

В предзакатных сумерках, на фоне иссохших деревьев, внезапно взметнулось облако пыли. Мгновение спустя, словно призраки, прорвавшиеся сквозь густой туман, из этой пелены с яростным напором вылетел десяток всадников.

Впереди всех скакал человек, чей облик приковывал взгляд. Он восседал на крупном вороном коне, а его роскошные парчовые одежды даже в тусклом свете отливали вызывающим блеском. Пояс, стягивающий талию, был украшен драгоценным нефритом, который при каждом скачке коня ударялся об седло, издавая звонкий, режущий слух лязг. Следом за ним неслись с десяток крепких мужчин в темных одеждах с кольцевыми мечами на поясах. Их лица были холодны и суровы, а взгляды, острые, как у коршунов, сканировали этот полуразрушенный, замерший в тишине поселок. Копыта коней топтали выжженную землю, поднимая удушливую пыль, и эта волна высокомерия и властности в одночасье разрушила последние остатки призрачного спокойствия деревни.

— Тр-р-ру!

Мужчина в богатых одеждах резко натянул поводья. Конь издал протяжное ржание, высоко вскинул передние копыта и с грохотом опустил их на землю, разбрызгивая грязевые комья. Всадник, сидя в седле, окинул взглядом нескольких застывших от страха селян. В его глазах читались неприкрытое презрение и холодная жадность, словно он оценивал скот, предназначенный на убой. Наконец, его взор скользнул поверх толпы и точно уперся в Цай Янь.

В тот миг, когда взгляд мужчины, подобно ядовитой змее, впился в нее, в ее ясных глазах отразились первобытный ужас и глубокое, идущее из самой глубины души отвращение. Она невольно, едва заметно, отступила на полшага, напрягшись, словно натянутая тетива.

— Нашел! Госпожа Цай действительно здесь! — голос мужчины прорезал тишину, наполненный торжеством охотника, настигшего добычу. Уголки его губ изогнулись в предвкушающей улыбке. Он не сводил глаз с бледного лица Цай Янь, словно изможденные, источающие запах смерти жители и эта безнадежная земля были лишь досадным фоном. — Много слышал о талантах и красоте дочери господина Цай Чжунлана, но сегодня вижу: молва не лгала! — его тон был легкомысленным, а в словах сквозила неприкрытая сальность.

Цзян И почувствовал, как ярость ударила в голову, заставив виски пульсировать от напряжения. Чжан Чао! Тот самый жадный и распутный Чжан Чао, который в истории опирался на власть брата, чтобы творить беззаконие! Как он оказался здесь? И цель его ясна — Цай Янь! Смутные фрагменты исторических записей мгновенно сложились в четкую и страшную картину: Цзян И словно наяву увидел, как Цай Янь насильно увозят, обрекая на скитания и беды.

Едва Чжан Чао закончил говорить, Цай Янь инстинктивно отпрянула. Подобно испуганной птице, ищущей защиты, она развернулась и в несколько шагов оказалась за спиной Цзян И. Ее холодные пальцы судорожно вцепились в грубый рукав его одежды, сжимая ткань так сильно, что дрожь ее рук передалась ему, словно отчаяние тонущего, ухватившегося за спасительную корягу.

Это холодное прикосновение и мелкая дрожь пронзили ярость Цзян И, словно острая игла, принесла болезненный укол. Он глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться. Силовое противостояние? У врага десятков крепких воинов с острыми клинками, а у него — лишь несколько полуживых от голода и эпидемии селян. Броситься в бой — значит погубить себя впустую.

Нужна хитрость! Мысль промелькнула, как молния. Он другой рукой быстро и ободряюще похлопал Цай Янь по сжимающим его рукав пальцам, сохраняя невозмутимый вид. Затем сделал шаг вперед, широкими плечами прикрывая дрожащую девушку, и встретился взглядом с Чжан Чао, который по-прежнему возвышался на коне.

— Кто вы такие? — голос Цзян И звучал низко и ровно, с такой непоколебимой твердостью, что среди царившего напряжения это прозвучало неожиданно весомо.

Чжан Чао наконец оторвал взгляд от Цай Янь и с недовольством, вызванным тем, что его прервали, холодно посмотрел на Цзян И. Он окинул его взглядом: выстиранная до белизны, испачканная грязью и лекарствами одежда, уставшее лицо, но спокойные глаза — типичный деревенский лекарь. Чжан Чао издал насмешливый фырк.

— Я — Чжан Чао, младший брат Чэньлюского губернатора Чжан Мяо, — заявил он с таким высокомерием, словно одно лишь это имя должно было внушать трепет. Его глаза тут же вернулись к фигуре Цай Янь. — А ты кто такой? Разве ты достоин спрашивать мое имя?

— Я Цзян И, странствующий лекарь, — ответил он, не опуская глаз под тяжелым взглядом Чжан Чао. — Господин Чжан, вы явились сюда такой большой свитой в место, охваченное эпидемией. Какова цель вашего визита?

— Цель? — Чжан Чао издал резкий, сухой смешок, словно услышал нелепую шутку. — А какое тебе дело? — он внезапно оборвал смех, его взгляд стал хищным, и он снова обратился к девушке, повысив голос до приказного тона: — Госпожа Цай! Мой брат давно восхищается вашим талантом, и я получил приказ доставить вас в поместье! Экипаж ждет за деревней, немедленно собирайтесь!

Это было наглое похищение! Даже без тени притворства.

Цай Янь за его спиной вздрогнула, пальцы впились в ткань еще сильнее, почти до крови. Ее прерывистое, полное ужаса дыхание отчетливо слышалось Цзян И.

— Господин Цзян... — прошептала она, едва сдерживая дрожь. Ее голос, тонкий, как у комара, был пропитан ледяным холодом. — Этот человек... Чжан Чао... Несколько месяцев назад он присылал сватов к моему отцу... Отец отказал, сославшись на мой юный возраст... Он же... — слова утонули в рыданиях, но недосказанное было ясно, как божий день.

Цзян И все понял. Последняя надежда на мирный исход угасла. Значит, получив отказ, он

затаил злобу и теперь, пользуясь отсутствием Цай Юна и эпидемией, решил пойти на подлость!

Увидев, что Цай Янь не двигается с места, Чжан Чао утратил остатки притворного спокойствия. Его лицо исказилось от нетерпения. Он взмахнул рукой, приказывая своим людям:

— Чего стоите? Взять госпожу Цай!

Двое ближайших слуг тут же спрыгнули с коней и, не скрывая грубой жестокости, зашагали прямо к ним. Тяжелые сапоги гулко стучали по земле, словно барабанный бой перед казнью.

Воздух застыл. Селяне в ужасе расширили глаза, кто-то попятился, кто-то невольно охнул. Смерть от болезни еще не отступила, а ей на смену пришла новая, еще более явная угроза!

Слуги были уже совсем близко. Цай Янь затряслась еще сильнее. Это был критический момент!

Мозг Цзян И лихорадочно работал. Силовое сопротивление — верная смерть. Эпидемия! Только она! Только то, чего все боятся как огня, может остановить этих негодяев!

В тот миг, когда руки слуг почти дотянулись до Цай Янь, Цзян И резко вскинул руку — не для защиты, а для предупреждающего жеста — и, подавшись вперед, заслонил девушку собой.

— Стойте! — его голос прозвучал как приговор.

Слуги невольно остановились. Чжан Чао нахмурился, в его глазах вспыхнула ярость:

— Ты смерти ищешь, наглец?!

Цзян И, встретившись с ним взглядом, изобразил на лице крайнюю степень тревоги и серьезности:

— Господин Чжан, прошу, умерьте гнев! Не я препятствую вам, а обстоятельства! — он чуть повернулся, указывая на черные клубы дыма от погребальных костров. — Посмотрите сами! Деревня охвачена страшным мором! Госпожа Цай уже много дней ухаживает за больными, не смыкая глаз... Боюсь, она сама заразилась!

Слово «эпидемия» подействовало как капля ледяной воды на раскаленное железо.

На лице Чжан Чао застыла гримаса страха. Он судорожно сжал поводья, и его конь затанцевал на месте. Слуги, побледнев, отступили на шаг назад, словно перед ними разверзлась бездна. Запах тлена, доносившийся с окраин, вдруг показался им в десять раз сильнее.

— Эпидемия? — голос Чжан Чао дрогнул. — П-правда?

— Чистая правда! — отрезал Цзян И с видом человека, выносящего вердикт. — Чума! Она передается при малейшем касании! За эти дни в деревне умерли десятки молодых людей! Мы и сами чудом выжили, но кто знает, не таится ли болезнь внутри нас?

Чтобы придать словам веса, Цзян И прикрыл рот рукой и зашелся в притворном, надрывном кашле. Он согнулся, сотрясаясь всем телом, а выпрямившись, сделал вид, что задыхается, а его лицо приобрело болезненный оттенок.

Цай Янь мгновенно поняла его замысел. Она прикрыла лицо рукавом и тоже издала несколько тихих, жалобных всхлипов.

Чжан Чао и его люди были в ужасе. Вид этой странной пары, один из которых кашлял так, будто выплевывал легкие, а другая выглядела хрупкой и больной, в сочетании с трупным запахом, заставил их отступить еще дальше.

Однако жадность и похоть взяли верх. Чжан Чао, глядя на Цай Янь, не смог окончательно отступить.

— Раз так... — он попытался придать голосу твердость, — тем более нельзя оставлять госпожу Цай здесь! Она должна немедленно ехать со мной, я обеспечу ей лучший уход!

Слуги, получив знак, хоть и боязливо, но вновь двинулись вперед.

Цзян И усмехнулся про себя. Одной «эпидемии» мало. Он принял серьезный вид и добавил:

— Господин Чжан, мы благодарны за заботу, но... болезнь эта не лечится обычными средствами. Госпожа Цай держится лишь благодаря моей фамильной тайной пилюле — Пилюле от эпидемии!

— Пилюле от эпидемии? — прищурился Чжан Чао.

— Именно! — Цзян И говорил так, будто излагал непреложную истину. — Она изготовлена из реальгара, киновари и полыни, выдержана сорок девять дней под лучами небесного огня! Она обладает сокрушительной силой против любой нечисти, но... — он сделал паузу и впился взглядом в Чжан Чао, — чтобы она подействовала, принимающий должен сорок девять дней соблюдать чистоту духа и... воздерживаться от близости с мужчинами! Иначе лекарство обернется ядом, и даже бессмертные не спасут!

— Воздерживаться от близости с мужчинами?! — взвизгнул Чжан Чао. Его лицо перекошилось от ярости и сомнения. Этот лекарь издевается над ним?!

В тот момент, когда Чжан Чао готов был отдать приказ о штурме, Цзян И действовал

молниеносно. Он достал из сумки грубый глиняный флакон, высыпал на ладонь несколько черных, покрытых серой пылью пиллюль, от которых исходил странный, затхлый запах.

— Это и есть Пиллюля от эпидемии! — Цзян И протянул руку прямо к морде коня Чжан Чао. — Если сомневаетесь, господин Чжан, хотите проверить действие на себе?

Тишина стала гробовой. Черные пиллюли, запах, упоминание киновари и строгое предупреждение о «воздержании» — все это сработало как ядовитые иглы, вонзившиеся в сердце Чжан Чао. Он смотрел на пиллюли, и в его глазах боролись жадность, похоть, страх перед смертью и отвращение к неизвестному яду.

Наконец, страх перед смертью пересилил все остальное. Чжан Чао с силой дернул поводья, конь взвился на дыбы.

— Хм! Шарлатан! — выкрикнул Чжан Чао, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Я не верю твоим бредням!

Он развернул коня и заорал на своих людей:

— Уходим! Здесь грязь и зараза! Быстрее!

Всадники, словно спасаясь от чудовищ, прищипорили коней и в смятении бросились прочь, поднимая столбы пыли.

Когда топот копыт затих, деревня погрузилась в еще более тяжелую тишину. Лишь спустя время селяне начали приходить в себя.

— Ушли? — прошептал старик, опираясь на дверной косяк.

— Ушли! Господин Цзян их прогнал! — радостно воскликнул мальчишка.

Цзян И, чувствуя, как рубашка прилипла к спине от холодного пота, опустил руку с пиллюлями. Он знал: это лишь отсрочка. Как только Чжан Чао опомнится, он вернется с удвоенной яростью.

— Нам нужно уходить, — тихо сказала Цай Янь, подходя к нему. — Сейчас же.

— Согласен, — кивнул Цзян И. — Сегодня ночью.

Сгустились сумерки. Цзян И быстро собрал свою сумку с лекарствами, захватив немного лепешек и воды. Цай Янь вернулась в свою лачугу, переоделась в чистое платье и бережно завернула в ткань свой Цинь «Обугленный хвост». Старушка, приносившая ей еду, со слезами на глазах сунула ей в руки сверток с вареными яйцами.

Когда Цай Янь вышла, Цзян И уже ждал ее. Он помог привязать инструмент к своему походному узлу.

— Идем, — сказал он, указывая на узкую тропинку, ведущую в горы.

Он в последний раз оглянулся на поселок, где в темноте мерцали редкие огоньки, словно последние вздохи умирающих. Глубоко вдохнув ночной воздух, он твердо произнес:

— Держись рядом.

Факелов не было, и двое, полагаясь лишь на тусклый свет звезд, нетвердой походкой углубились в густую тьму за деревней. Дикие травы под ногами шуршали, задевая штанины, а вокруг высились размытые, исполинские очертания пустынных холмов, напоминавшие притаившихся гигантских зверей. Впереди расстилалась неизведанная мгла, и каждый шаг уводил их навстречу неведомой судьбе.

Цай Янь следовала за Цзян И, прижимая к груди небольшой сверток и стараясь приноровиться к неровной почве и непроглядной тьме. Она не удержалась и снова оглянулась на деревню. Земля, видевшая столько страданий, сейчас казалась лишь смутным, утонувшим в чернильной ночи силуэтом.

В этот момент из глубины холмов дохнул ночной ветер, пронизывающий до костей; он закружил сухие листья, издавая жалобный, похожий на стон звук. Цай Янь невольно вздрогнула и машинально плотнее запахнула тонкое светлое платье.

Цзян И чутко уловил её дрожь. Он остановился, снял с плеч свою поношенную индиговую верхнюю одежду, пропахшую лекарственными травами и дорожной пылью, и с естественной, не терпящей возражений заботой набросил её на плечи Цай Янь, согрев девушку теплом своего тела.

— Ночной ветер холоден, берегись простуды, — его голос, низкий и спокойный, прозвучал в тишине ночи особенно отчетливо, словно невидимая преграда, защищающая от невзгод.

Остатки травяного аромата и тепло чужого человека мгновенно окутали озябшее тело Цай Янь. Эта внезапная теплота и незнакомый запах заставили её слегка напрячься, а уши в темноте незаметно для окружающих залились краской. Она опустила взгляд, пальцы бессознательно сжали края накинутой одежды, грубая ткань заскользила по подушечкам пальцев. Едва слышно она прошептала:

— Благодарю вас, господин Цзян.

Цзян И не обернулся, лишь поправил лямки циня «Обугленный хвост» у себя за спиной и устремил взгляд на север, в еще более глубокую тьму. Редкие звезды очерчивали грозные силуэты горных хребтов вдаль. Безбрежная ночь, казалось, была огромной пастью,

пожирающей их путь. Занавес эпохи хаоса уже поднялся. Железная конница Дун Чжо, распри удельных князей, пожары, несущие скитания... всё это было не за горами.

Однако именно здесь, посреди удушливой тьмы и неизвестного страха, в душе Цзян И, словно брошенный в стоячую воду камень, зародилась и пошла кругами твердая решимость. Он чувствовал тяжесть циня «Обугленный хвост» за спиной — это был тяжелый отголосок истории; он прислушивался к тихим, но отчетливым шагам женщины позади — это была жизнь, бьющаяся здесь и сейчас.

Изменить! Эта мысль еще никогда не была такой ясной и жгучей.

Возможно, он не в силах остановить надвигающийся на Поднебесную бурный поток, не в силах спасти всех, кто тонет в пучине смуты. Но сейчас, под этим звездным небом, в бегах, он по крайней мере мог крепко держать эту холодную ладонь, по крайней мере мог попытаться проложить иной путь для женщины, которой на страницах истории суждено было оставить кровавый след.

Он молча сжал кулаки в бескрайней ночи. Костяшки пальцев побелели от напряжения, на тыльной стороне ладоней проступили вены. Изменить трагическую судьбу Цай Вэньцзи — этот трудный путь начался по-настоящему именно сейчас, с этого бегства под покровом звезд.

— Идем, — произнес Цзян И низким, твердым голосом и, сделав шаг, первым растворился в глубокой, но не лишенной надежды ночи. Цай Янь, кутаясь в теплую одежду, бережно прижимая к себе сверток, поспешила следом, и вскоре две фигуры окончательно скрылись в густых тенях пустынных холмов.

<http://bllate.org/book/18471/1771455>